

Урок немецкого

Для жителей Эстонии проблемы, о которых пишет наш читатель из Германии, могут показаться в чем-то даже странными. Хотя и у нас бывают конфликты с полицией. Разница в том, что в письме в «Молодежку» рассказывается о русскоязычных, приехавших в ФРГ из разных республик бывшего СССР.

Автор письма переехал в Германию в 2003 году. Живет в городе Лангенфельде. «Мы с моей мамой и сестрой решили переехать на историческую родину. Основной причиной, побудившей нас расстаться с нашей настоящей родиной, было практически полное отсутствие какой-либо работы и вследствие этого возросшая криминогенная обстановка в месте нашего проживания», — пишет Евгений Скворцов. Далее он сообщает, что вместе со своими близкими надеялся обрести на новом месте долгожданное счастье. Но помешало сбыться этой надежде, по словам Евгения, постоянное посягательство полиции на его права под видом «борьбы» с русскоговорящими «преступниками» из России и стран СНГ.

Фото ЕРА

Возможно, Евгений слишком тонкая натура, но если верить изложенным им фактам, то, действительно, попал в не очень приятную, мягко говоря, ситуацию. Что и подвигло его обратиться в поисках правды и справедливости к нашей газете.

Автор письма идет от частного к общему, делая вывод, что к русским (русскоязычным из бывшего СССР) в Германии относятся предвзято. Таковых в стране насчитывается около 2,7 миллиона. Но оставим обобщения на потом, а пока ознакомимся с «делом» Евгения Скворцова.

«С самого раннего детства я просто обожал возиться со всякими железяками. Обожал паять, собирать всякие хитрые приборчики, чинить велосипеды. Мое хобби по ремонту велосипедов вызвало недовольство местных жителей и принесло мне кучу незаслуженных неприятностей с властями города», — эта информация из письма может стать своеобразным эпиграфом ко всей истории.

23 сентября 2005 года Евгений со своей невестой был на дне рождения, который его друг Андрей отмечал в парке. Когда парк закрыли, гости собрались на автостоянке, куда подъехала патрульная машина, и полицейские стали проверять у всех документы. «Видимо, до этого произошел какой-то конфликт между русскоговорящей молодежью и коренными немцами, находящимися на другом конце площадки. Подобные конфликты не являются большой редкостью для нашего города. Потом мы узнали, что в закрытом парке осталось еще несколько человек из праздновавших. Когда два парня стали перелезать через закрытые ворота, полицейские это тоже увидели, вызвали хозяина парка, он им открыл ворота, и они въехали в парк на машинах. Как я потом узнал, в парке произошла драка между выпившим русским парнем и полицейскими, и когда его скрутили, кто-то хотел ему помочь. После завершения «праздника» сотрудники полиции заставили первых попавшихся 5 человек, заняться ночной уборкой парка. Когда нам вернули документы, мы с Олей сразу же пошли ко мне домой, так что праздника не получилось. Примерно через 3

недели я был вызван в срочном порядке в полицейский участок в качестве свидетеля, где после короткой беседы, естественно, без переводчика, в то время я еще плохо говорил по-немецки, меня переквалифицировали в преступника, т.е. измерили рост, сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. Подобные действия являлись незаконными, и тем самым мне был нанесен тяжелый моральный ущерб», — сообщает Евгений. Правозащитная интонация в его речи, очевидно, появилась уже после суда, который состоялся 16 мая 2006 года, то есть почти через 8 месяцев после происшествия в парке. И за полчаса до начала суда он случайно познакомился с парнем, которого якобы защищал от полиции. Евгения обвинили в сопротивлении сотрудникам правоохранительных органов при исполнении. «Судья зачитал протокол, из которого следовало, что я якобы провел ночь с 23 на 24 сентября 2005 в камере предварительного заключения. На что я ответил, что я ночевал у себя дома и это могут подтвердить свидетели. Из этого следовало, что протокол был подделан сотрудниками полиции». Один из полицейских заявил на суде, что «если собралось много русскоговорящих в одном месте — быть беде». Потом он рассказал, пишет Евгений, что слышал крик Кононова, адресованный мне: «Помоги мне!». Евгений спросил полицейского, на каком языке Кононов звал на помощь, чтобы судья убедился в несоответствии показаний полицейского, не знавшего русского языка, по его же признанию. Кончился суд тем, что дело закрыли за недоказанностью вины Евгения. «Но передо мной за клевету, унижения, ложь и «обливание грязью» так и не сочли нужным извиниться», — сетует потерпевший.

На этом его приключения не закончились. Полицейские нагрянули к нему домой с обыском. Здесь надо вспомнить о страсти Евгения к ремонту велосипедов. Полиция заинтересовалась их происхождением и предложила, как пишет Евгений, добровольно показать все «ворованное добро». Но такового не оказалось. Тогда у него забрали старое портмоне и записную книжку, которые через несколько месяцев вернули. «Я сразу же понял, что это моя соседка, коренная немка лет 60, написала на меня заявление, т.к. велосипедные запчасти я хранил на балконе, где и занимался ремонтом. Как я узнал впоследствии, заявление поступило от домовладельца, не без участия соседки, которой не давало покоя большое количество, с их точки зрения, высококачественных велосипедов», — завершает свое второе «расследование» Евгений.

Где два случая, там и третий. А связан он оказался с тем же Андреем, у которого Евгений был на дне рождения, после чего все и началось.

Андрей пришел к Евгению в гости, а в это время Андрею позвонил его приятель, который с большой компанией немцев и русских как раз был возле этого дома. Андрей вышел к ним, а потом и Евгений. «И тут неожиданно подъехал патруль полиции. В числе первых у меня было проверено удостоверение личности и содержимое карманов. Удостоверение личности проверяли по компьютерной базе. Там уже находилась информация о предыдущих «встречах» с полицией. Меня попросили отойти в сторону отдельно от всех, я подчинился приказу и закурил. Ко мне подбежала сотрудница полиции и сказала, что курить в присутствии полицейских запрещено, а я спросил, почему, т.к. видел, что некоторые из сотрудников полиции сами курили. Потом женщина-полицейский стала пытаться выбить у меня сигарету из рук. Остальные сотрудники полиции, наблюдавшие со стороны, и не понимая, что происходит, набросились на меня, и т.к. я не сопротивлялся, быстро скрутили. Я лежал лицом вниз, не видел, но чувствовал, что меня били, пинали, но били аккуратно, чтобы не осталось больших следов. От сильного удара по голове я потерял ненадолго сознание, как потом рассказывали многочисленные свидетели, примерно на 3-4 минуты. Когда я очнулся, был уже в наручниках».

Далее Евгений описывает, как его оскорбляли в полиции, где он и задержался на пару суток. Плюс получил травмы, о которых рассказал врачу.

«В августе 2006 прокуратура Дюссельдорфа предъявила мне обвинение в сопротивлении сотрудникам полиции при исполнении и наложила на меня штраф в размере 400 евро».

В конце октября в Дюссельдорфе состоялся суд. И опять Евгений вышел победителем, потому что показания полицейских на 90% не совпадали.

* * *

Защищаться на суде Евгению помогал правозащитник, руководитель Кельнского отделения правозащитной организации, магистр права Гарри Мурей. Евгений приложил к письму его комментарий, из которого следует, что, как и в любой другой нормальной стране, правозащитников в Германии не очень-то жалуют. А Евгений Скворцов решил заняться активной деятельностью. Отсюда тоже его неприятности, считает господин Мурей.

«Уже давно в Германии взято за правило останавливать лиц славянско-русской внешности для «не зависимых от подозрения» проверок. Возможной причиной столь явных шагов, по моему мнению, является уже давно бытующее в определенных кругах полиции генеральное подозрение против всех выходцев из стран СНГ. Если же задержанный или задержанные попытаются качать свои права, или, не дай Бог, будут требовать разъяснения, на каком основании их задержали, и какие им (будут) предъявля(ены)ют обвинения, то в воздухе все отчетливее начинает пахнуть паленым. Из собственного опыта знаю, что граждане, внешне не похожие на представителей титульной нации, чаще являются объектами предвзятых проверок, против них чаще совершаются противоправные действия, которые в львиной доле случаев благодаря немецкому правосудию остаются безнаказанными, так же, как и смертельный исход подобных «встреч» для иностранца или немецкого гражданина некоренной национальности, в несколько раз выше, чем для обычного не совсем трезвого бюргера.

В случае, если цивилизованная Европа не захочет или не сможет защитить молодого правозащитника Е. Скорцова и его семью от посягательств властей на его свободу и откровенного русофобского преследования, мы незамедлительно обратимся за помощью с открытым письмом к Конгрессу и Сенату США.

С уважением

Гарри Мурей»

«МЭ»